

DOI: 10.31857/S086919080025759-1

**«ЮЖНАЯ АЗИЯ»: МОНТАЖ И ДЕМОНТАЖ
ПРОСТРАНСТВ И ИНСТИТУЦИЙ.
Часть II**

© 2023

И.П. ГЛУШКОВА ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3715-5722; iri_glu@hotmail.com

Резюме: В сегодняшнем понимании «Южная Азия» (South Asia) была изобретена в конце 1940-х гг. как переосмысление прежних подходов к изучению (древнего) Оrients, оказавшихся в условиях Второй Мировой войны непригодными. Автор концепта – американский индолог У. Норман Браун (1892–1975) – обозначил таким образом почти всю территорию Британской Индии и создал в Пенсильванском университете факультет региональных исследований Южной Азии¹. Следствием этого стала институализация – наряду с традиционным санскритом – современного социально-политического спектра дисциплин, необходимых для полноценного освоения среды бытования изучаемого языка. По мере распространения новой идеи за пределы США и продолжения перемен в геополитическом устройстве деколонизированного пространства «Южная Азия» – концепт в образовательной стратегии и послевоенном мироустройстве стала вытесняться «Южной Азией» – конструктором, сложенным из новых государств и в дальнейшем подкрепленным формированием множества новых институций, включая СААРК на первых ролях. Однако в отличие от Юго-Восточной Азии, в конструировании которой в годы Второй мировой войны также участвовали внешние акторы, «Южная Азия» не превратилась в регион, обладающий собственной идентичностью, и ее номенклатура сохраняется в целях функционального удобства при продолжении поиска в различных сферах объединяющих факторов. Примером последнего является идея «Югоазии» (в одно слово), выдвинутая в Непале и поддерживаемая в настоящее время из Шри-Ланки.

Ключевые слова: Южная Азия, учебные курсы университетов США, Юго-Восточная Азия, СААРК, АСЕАН, Югоазия.

Для цитирования: Глушкова И.П. «Южная Азия»: монтаж и демонтаж пространств и институций. Часть II. *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 227–239. DOI: 10.31857/S086919080025759-1

**‘SOUTH ASIA’: CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION
OF SPACES AND INSTITUTIONS.
Part II**

© 2023

Irina GLUSHKOVA ^а^а – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3715-5722; iri_glu@hotmail.com

¹ The Department of South Asia Regional Studies (1948). В этом наименовании лексема studies означает в первую очередь «учение, обучение».

Abstract: The term 'South Asia' in its present meaning was coined in the late 1940s following reinterpretation of previous approaches to the study of the (ancient) Orient, which had proved to be ill-suited under the conditions of the Second World War. The concept was created by an American Indologist W. Norman Brown (1892–1975) who defined almost the entire territory of British India as such and founded the Department of South Asia Regional Studies at the University of Pennsylvania. The consequence of this innovation was the institutionalization – along with traditional Sanskrit – of the modern socio-political spectrum of disciplines essential for the comprehensive understanding of the region where the languages studied are spoken. As the new idea spread beyond the borders of the United States, and changes continued in the geopolitical structure of the decolonized space, 'South Asia' as a concept in the educational strategy and post-war world order began to be replaced by 'South Asia' as a construct composed of new states and further reinforced by the formation of many new institutions, first of all SAARC. However, unlike Southeast Asia, the construction of which was also facilitated by external actors during the Second World War, 'South Asia' has failed to become a distinct region with its own identity, and its nomenclature is maintained for functional convenience while the search for its unifying factors in various spheres keeps going. The example of the latter is the idea of 'Southasia' (in one word), coined in Nepal and currently promoted from Sri Lanka.

Keywords: South Asia, educational programs in the US universities, Southeast Asia, SAARC, ASEAN, Southasia.

For citation: Glushkova I. 'South Asia': Construction and Deconstruction of Spaces and Institutions. Part II. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 227–239. DOI: 10.31857/S086919080025759-1

Будучи санскритологом, пристально изучавшим, в том числе, и буддийские тексты в их преемственности от санскрита к пали и пракритам в соответствующих языковым изменениям контекстах², У. Норман Браун долго воспринимал Восток в сугубо «ориенталистском» духе – как огромную территорию, на протяжении более 5 тыс. лет стянутую общими признаками, идейной неразрывностью и сообразными культурными сдвигами. Он намеренно искал эти «элементы живучести» и механизм их воспроизводства, а не находя, опирался на притчи как способ убеждения, черпая из индийских религиозно-философских трактатов эту лукавую методику: «Возможно, любое наше усилие найти семя, которое обеспечивало бы жизнестойкость индийской цивилизации, было бы источником ее сознания, если использовать аналогию с буддийской доктриной, может оказаться столь же тщетным, как и попытка Шветакету³ обнаружить сердцевину баньянового дерева. Такая неудача все равно не может убедить исследователя в том, что элемент, ответственный за ее жизнестойкость, отсутствует, как и помешать любопытствующему искать его» [Brown, 1961, p. 434].

У. НОРМАН БРАУН И «ЮЖНАЯ АЗИЯ»

В менее аллегоричной форме Браун выстроил собственное исследование об отражении в современном индийском фольклоре санскритской «Панчатантры», памятника повество-

² Следы буддизма от Афганистана до Бангладеш и от Непала до Мальдив убеждали Брауна в культурно-историческом единстве субконтинента, в том числе в его связанности с Тихоокеанским пространством.

³ Шветакету – персонаж из Чхандогья-упанишады, эпитомия искателя истины, постигающего ее через метафору семени, из которого произрастает мощный баньян с множеством уходящих в землю побегов, превращающихся в стволы и удерживающих крону. Браун использует этот образ как передающий суть общности / преемственности индийской цивилизации [Brown 1961, p. 433].

вательной прозы с древними фольклорными корнями, но литературно обработанного в начале I тыс. Вообще «Браун был погружен в [с]овременную Индию в значительно большей степени, чем любой санскритолог до него. Он пристально следил за политическими и социальными преобразованиями на субконтиненте, выражал симпатию его борьбе за независимость и дальнейшему становлению Индии. Этот интерес, уже заявленный его публикациями в американской прессе 1920–1930-х гг., еще более укрепился во время его работы в Исследовательско-аналитическом департаменте [Управления стратегических служб⁴]» [Rocher, 1976, p. 4]. Именно в 1940-е гг., в условиях Второй мировой войны, он обнаружил еще одну склейку исследуемого им реального пространства: это было противостояние оксидентальному колониализму и движение к индустриальному переобустройству. Однако этот же, предшествующий обретению независимости, период вскрыл усиление напряженности между индусами и мусульманами и затем растущую враждебность уже независимых государств – Индии и Пакистана – по отношению друг к другу. В таком контексте представление Брауна о стягивающем потенциале санскрита в общем цивилизационном континууме оказалось «неприемлемым и глубоко проблематичным», как и его видение мусульман в роли «нарушителей культурного пространства» [Dirks, 2015, p. 3, 8]⁵.

В 1960 г. по просьбе Министерства образования Пенсильванский университет провел конференцию для оценки обеспеченности преподавания языков Южной Азии учебными пособиями. В ней участвовали ведущие американские индологи, т. е. специалисты классического профиля, и индианисты⁶, нацеленные на современные гуманитарные и общественные дисциплины, представитель Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета, а также участник совещания Международной группы по восточным и африканским языкам, созданного по инициативе НАТО в середине 1959 г. в Лондоне. В преамбуле к материалам конференции, изданным по ее завершении, записано: «Договорились, что под Южной Азией подразумеваются: Индия, Пакистан, Цейлон, Афганистан, Непал, Бутан, Сикким и южная часть Тибета».

В «Отчете», своего рода введении в материалы конференции, Браун сформулировал положения, принципиальные для South Asian Studies как особого направления в образовательном цикле американских университетов и колледжей: 1. Преподавание языков Южной Азии не только в лингвистических курсах, но и в качестве инструментов исследования для специалистов по всем гуманитарным и социополитическим дисциплинам и практиков в правительственных структурах; 2. Сохранение обязательного преподавания классических языков (санскрита, пали и персидского) в программах по изучению современной Южной Азии; 3. Распределение основных языков Южной Азии по пяти группам в зависимости от их приоритетности для интересов США и соответственно первоочередности обеспечения учебниками; 4. Овладение преподавательскими методиками для охвата всех аспектов владения языком; 5. Предоставление всех типов учебных материалов, необходимых для пре-

⁴ Office of Strategic Services, предшественник ЦРУ.

⁵ Николас Дёрк, историк и антрополог, в обзоре для общеамериканской конференции «Переосмысление ареальных (региональных) исследований» (1998) подверг критике саму основу брауновского подхода (т. е. через аксиому о классическом языке, лежащем в основе цивилизации) в репрезентации Индийского субконтинента в развитие идеи «Ориентализма» (1978) Эдварда В. Саида. Одновременно критика Дёрка (и др.) свидетельствует о том, что запущенная Брауном реформа принесла великолепные плоды и обеспечила (вкупе с финансовой поддержкой «Закона об образовании для нужд национальной обороны», National Defense Education Act [1958]) подготовку высококвалифицированных South Asianists, владеющих иным инструментарием и методологиями научного анализа.

⁶ Первоначально Браун использовал термин Indianist практически в значении Indologist, т. е. знатоков санскрита и классического наследия. Однако позднее денотаты Indianist и шире – South Asianist – закрепились за представителями разных дисциплин, связанными с разными языками субконтинента и любыми научными областями.

подавания; 6. Приглашение авторитетных авторов для создания полноценных комплектов по всем аспектам преподавания языка [Brown, 1960, p. 11–16].

Через четыре года уже как летописец истории нового направления Браун пишет: «Южная Азия, как ее сейчас определяют в Соединенных Штатах, включает Индию, Пакистан, Цейлон, Непал, Бутан, Сикким и – часто – Афганистан. Она обособлена от Юго-Восточной Азии, состоящей из Бирмы, Таиланда, Камбоджи, Лаоса, Вьетнама, Малайи и – иногда – Филиппин... В нынешнем виде Южно-Азиатские исследования в Соединенных Штатах имеют совершенно другой характер, нежели они имели до войны. Различие лежит в широте охвата» [Brown, 1964, p. 55].

Эта «широта охвата» подразумевала вовсе не Индию, «как мы раньше указывали на культурное пространство, которое теперь именуем Южной Азией» [Brown, 1964, p. 56], а переход к междисциплинарности, что следует из перечисления специалистов, отсутствие которых выявила Вторая мировая война – экономистов, антропологов, социологов, географов, политологов и даже историков. Более того, Браун уже подразумевал не Индию в очерченных границах, а фактор постколониального устройства и мировой значимости того расплывчатого референта, который он же и варьировал с учетом вовлеченности внешних акторов в его орбиту: Индия и Британия, Индия и страны Содружества, Индия и Юго-Восточная Азия в контексте японского проникновения, Индия и Египет, Турция и другие страны Ближнего и Среднего Востока (Западной Азии) [Brown, 1964, p. 57]. Браун назвал размер «золотого дождя», обрушенного Законом о об образовании для нужд национальной обороны, и с гордостью охватил взором североамериканские университеты с несколькими десятками Центров Южно-Азиатских исследований: «Это является новым и весьма значимым современным вкладом в американское образование, не имеющим параллелей в Европе или за пределами самой Южной Азии» [Brown, 1964, p. 60]. И именно Браун, академическим лоббированием удовлетворивший стратегические нужды США в области взаимодействия с поствоенным миром, на два-три десятилетия определил американское университетское образование в этом направлении.

«Золотой дождь» оказался весьма благодатным и для разработки ряда теоретических положений, например, при подготовке программы «Сравнительного изучения Южной (Southern) Азии» в некоторых американских университетах, что привело к уходу от расплывчатых ареалов (area) к маркированным регионам (region) и регионализму в самых разных проявлениях последнего, в том числе, при осознании опасности нездоровой «интеллектуальной балканизации» субконтинента и его частей [Introduction, 1967, p. 4]⁷. Однако со второй половины 1980-х гг. «Южно-Азиатский» всплеск в американских университетах начал затихать (к этому моменту и советская индианистика уже перевалила пик наивысшего расцвета 1960-х – начала 1970-х гг.⁸) и по окончании эпохи «холодной войны» и вовсе сошел на нет: количество Центров уменьшилось, число преподаваемых языков сократилось, а дисциплинарное поле стало структурироваться под влиянием новых теорий постколониализма, гендера и т. д., то опираясь на дефиниции региона и регионализма, то отказываясь от жестких структур под влиянием постмодернистских тенденций.

⁷ Коллективный труд «Регионы и регионализм в изучении Южной Азии: исследовательское тестирование» [Introduction, 1967], изданный по следам тщательно подготовленной дискуссии в Duke University, как минимум на два десятилетия стал стартовой позицией для последующих – весьма значимых – работ в этой области. С учетом новых векторов региональных интеграций и дезинтеграций дискурс был возобновлен в начале 2000-х гг. уже на основе «ментального конструирования», осуществляемого человеческим разумом и эмоциями [Regions, 2005].

⁸ Ср. [Шаститко, 2009].

«ЮЖНАЯ АЗИЯ» VS «ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ»

Совершенно очевидно, что Браун продвигал комплексный блок, базис которого, наряду с сохранением в университетах классических языков, предполагал всестороннее обучение живым с приложением приобретенных знаний в практической работе и/или в исследовательской деятельности. Эта образовательная модель также включала географию, экономику, историю, статистику, искусство и пр. компоненты, определяющие область (area) – будь то национальное государство или его часть – распространения вернакуляра. Через методологические установки Браун дробил пространство, которое когда-то представлялось ему целостным, как отражает название одной из его работ на эту тему – «Сущность культурной преемственности в Индии» [Brown 1961]. Подтверждением этому является книга «Соединенные Штаты и Индия и Пакистан», опубликованная в 1953 г.⁹ и 1963 г. и переизданная в 1972 г. с добавлением в титуле Бангладеш, после образования последней годом раньше, и составленные в русле программ факультета региональных исследований Южной Азии в Пенсильванском университете коллективные труды «Индия, Пакистан, Цейлон» под его редакцией [*India, Pakistan*, 1951, 1961]. То есть, лоббируя «Южную Азию» как комплексную дисциплину с профессиональными South Asianists на выходе, Браун как раз деконструировал пространство, разбивая его на Индию, Пакистан, Бангладеш и т. д. и далее – на более мелкие сектора. Предлагая иной – междисциплинарный – способ его интеллектуального освоения, нежели «ориенталистский», практикуемый в предыдущие годы им самим, он фактически стимулировал реформатирование условных кластеров (area) в очерченные регионы (region), которые становились единицами анализа и контекстом оформления регионализма. При этом одни кластеры совпадали с политическими границами новых государств, другие – с обособленными языковыми общностями внутри них. Вместе с тем в кратких введениях Браун напоминал о зонтичной «Индии» времен древних греков, через Афганистан добравшихся до притоков Инда, ныне на территории Пакистана, и указывал, что в его новых публикациях речь идет о ней же как о «Южной Азии», более деликатном, нежели «Индийский» или даже «Индо-Пакистанский» субконтинент, термине.

Этот несколько витиеватый подход все равно подрывал одномерное ориенталистское понимание скрепленной санскритом философско-религиозной протяженности, гипотетическая беспримесность которой была основательно нарушена длительным сосуществованием с исламом и аккультурирующим охватом Британской Индии, и наносил линии разрывов на низовом – лингвистическом – уровне, которому уделялось первостепенное значение: «Хотя в то время языковые навыки для изучения Южной Азии были менее существенны, чем для изучения Восточной, восприятие Южной Азии как региона, к которому можно было обратиться только через английский язык (иногда вместе с санскритом), резко изменилось за это время (с основанием Центров Южной Азии. – И.Г.)» [Dirks, 2015, p. 276].

При выходе за пределы Соединенных Штатов, где форсированно изобретались подходы и писались учебники, новый денотат для нейтрального обозначения пространства в процессе его распада (!), утрачивал методологический фокус и перенастраивался в геополитическую локацию, т. е. за пределами брауновской «лаборатории» обретал композитный характер и отсчитывал новую историю¹⁰. Это восприятие индийский социолог, политолог и психиатр Ашис Нанди зафиксировал уже изнутри определяемого пространства и привнес в него локальные нюансы: «Идея Южной Азии возникла в 1970-х¹¹ и обрела значимый

⁹ В 1954 г. эта книга была удостоена Watumull prize, наивысшей награды за лучшую книгу по истории Индии

¹⁰ Иначе изменение в лексическом значении можно назвать семантическим сдвигом.

¹¹ Часть I настоящей статьи называет 1940-е годы периодом, когда Браун приступил к лоббированию «Южной Азии» как лабораторной идеи и концепта в официальных институциях США. До Европы и полуострова

общественный статус в 1980-х гг., потому что средневековое имя региона – Хиндустан или ал-Хинд, его древнее имя – Бхаратварша или еще менее известная вариация – Джамбудвип – с учетом их географической неопределенности в отношении того, что сейчас называют Индийским полуостровом или субконтинентом, идеологически запятнали себя. Все они ассоциируются с совершенно новым национальным государством под названием Индия» [Nandy, 2006, p. 542]¹². Нанди усматривал в появлении нового квази-топонима заинтересованность соседних государств, «не очень-то удачливых в отношениях с Индией»: «Они пытаются создать пространство Южной Азии, противопоставляя ее не только таким регионам, как Юго-Восточная или Центральная Азия, но и конфигурациям прошлого – Британской Индии или Хиндустану» [Nandy, 2006, p. 542].

На самом деле, «Юго-Восточная Азия», в 1920–1930-х гг. обозначавшая всего лишь некий вектор [Fifield, 1976, p. 151], конструировалась параллельно и также извне, но на иных посылах и основаниях. Если «Южная Азия» была в большей степени замыслом, т. е. концептом, то «Юго-Восточная Азия» – поэтапным построением, или конструктором. Хотя и упомянутая в названии травелога Малкома двести лет назад, в США Юго-Восточная Азия наполнилась современным смыслом опять же в годы Второй мировой войны¹³. Мелькавшее в разных вариантах в публикациях Института Тихоокеанских отношений, в 1941 г. это имя вошло в обиход благодаря Меморандуму об изучении Юго-Восточной Азии австрийского антрополога Роберта Хайне-Гелдерна в адрес Американского совета научных обществ и его горячему обсуждению [Fifield, 1976, p. 152]. В 1943 г. выход книги «Будущее Юго-Восточной Азии: индийская позиция» ученого и дипломата К.М. Паниккара, делегата 8-й Международной конференции на тему войны и судеб тихоокеанских стран, организованной этим Институтом в Мон-Трамблане (1942)¹⁴, упрочил позиции неологизма, вытеснившего прежнюю терминологию – «Дальняя Индия» (Farther / Further India) и/или «Ультраиндия» (Ultraindia) [Fifield, 1976, p. 151]¹⁵. В том же году – под нажимом британской стороны – было сформировано союзническое Командование Юго-Восточной Азии во главе с адмиралом лордом Луисом Маунтбеттеном (позднее – последним вице-королем Индии), что стало «существенным шагом в военной и политической идентификации региона» [Fifield, 1983, p. 3]. География, подконтрольная Командованию, охватывала Бирму, Таиланд, Малайю, Сингапур и Суматру, фактически попавшие под влияние Японии после разгрома и скоротечного распада Американо-британско-голландско-австралийского командования (ABDACOM). В дальнейшем туда же вошли Борнео, Сулавеси и Ява, но не Филиппины,

Индостан этот неологизм добрался позднее: «Трудно сказать, когда идея Южной Азии как региона пустила корни в Индии... Следует отметить, что на протяжении 17 лет (1947–1967), пока он (Джавахарлал Неру, первый премьер-министр независимой Индии. – И.Г.) был во власти, ни один из 1742 документов, изданных его правительством, не упоминал этого сюжета» [Ghosh, 2021, p. 16–17].

¹² Партха С. Гхош, исследующий диапазон и функциональность Южной Азии, замечает: «Если в западном академическом и стратегическом мышлении не существовало четкой концепции Южной Азии, то и в Индии дело обстояло ничуть не лучше» [Ghosh, 2016, p. 116]. О «топонимических переворотах» «под небом Южной Азии» см.: [Глушкова, 2016].

¹³ «Этот термин сложился для удобства – необходимости обозначать географическое протяжение, или что могло бы быть названо образующим таковое на карте. Юго-Восточная Азия в то время не означала региональный или коллективный концепт, с которым стала ассоциироваться после Второй мировой войны» [Fifield, 1983, p. 1]. Автор отмечает, что в Европе «Юго-Восточная Азия» получила широкое хождение еще до того, как это словосочетание обрело смысл в практических и теоретических кругах США.

¹⁴ См. подпр.: [Куприянов, 2022]. О конференции в Мон-Трамблане и участии в ней Брауна см. Часть I настоящей статьи.

¹⁵ Хотя тот же Хайне-Гелдерн развивал свою позицию, отказываясь от наименования Farther India и присоединяя Малайский архипелаг и Филиппинские острова еще в 1942 г. [Fifield., 1976, p. 152]. В целом это был взгляд из Европы на часть Дальнего Востока, расположенную за пределами Индийского континента, но южнее Китая. Ср., например: [Clifford, б.д.].

северный Индокитай и Тимор. Формирование с участием США структур, вовлеченных в военно-политические события в Азии, отражалось в устройстве американских военных и политических учреждений, где появлялись отделы, в названиях которых Юго-Восточная Азия присутствовала как Southeast Asia, орфографически дистанцируясь от британской South-East Asia [Fifield, 1976, p. 5].

После окончания войны в номенклатуру университетских Центров Юго-Восточной Азии, также созданных при поддержке известных фондов и профинансированных грантами Закона, были включены Филиппины и другие страны этого разделенного между различными западными державами пространства. Все они в период с 1946 по 1963 г. прошли через деколонизацию, что стало прологом к формированию в этих краях «естественного регионализма» [Fifield, 1976, p. 10]. Американские университеты также сохраняли нюансы в наименованиях соответствующих программах – South East Asia Studies и Southeast Asian Studies [Fifield, 1976, p. 154]. Дебаты относительно релевантности такого композита продолжались в многочисленных работах с говорящими названиями (*In Search of Southeast Asia*, например), пока политолог Рассел Хант Фифилд не предложил доказательство от противного, которое, несмотря на исходные различия, можно приложить и к «Южной Азии»: «Если эта региональная концепция не обоснована, то почему для специализированного и весьма дорогостоящего обучения в высших учебных заведениях должно быть выбрано именно это конкретное расположение на [карте] мира?... В конце концов, ... потратило бы такое множество ученых столько лет своей жизни и написали бы столько книг и статей, если бы Юго-Восточная Азия была просто еще одним местом на карте или плодом воображения?» [Fifield, 1983, p. 6].

Образование в 1967 г. Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, куда в конечном счете вошли 10 стран¹⁶, дало новый толчок склеиванию региона и знаменовало реальное принятие пришедшего извне конструкта местными элитами. Подтверждением этому стал отказ в членстве Шри-Ланке как не соответствующей по критериям региональности, что свидетельствовало об усилении внутреннего восприятия Юго-Восточной Азии как жизнеспособной вне зависимости от академических дефиниций этой общности [Fifield, 1976, p. 12]. АСЕАН также продемонстрировал свою прочность, зарекомендовав себя как «определенная самостоятельная единица международных отношений, и какие бы противоречия внутри этого блока ни были, они не мешают ему выступать в качестве влиятельного актора в мировой политике» [Юго-Восточная Азия, 2017, с. 582]¹⁷.

НА ПУТИ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ. МОНТАЖ И ДЕМОНТАЖ. «ЮЖНАЯ АЗИЯ» И «ЮГОАЗИЯ»

В отличие от успешного (по мнению ряда исследователей) приживления «Юго-Восточной Азии» в зоне ее «прикомандирования», ставшая привычной в геополитическом лексиконе «Южная Азия» распадается на глазах. Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК) сложилась только в 1985 г.¹⁸ по инициативе (к тому моменту убитого) президента Бангладеш Зиаура Рахмана после многотрудных переговоров с потенциальными членами, начатых им еще во второй половине 1970-х гг. Наибольший

¹⁶ Бруней, Мьянма, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам. Восточный Тимор и Папуа–Новая Гвинея имеют статус наблюдателей.

¹⁷ В этом же материале см. мнение отечественного историка и политолога Д.В. Мосякова о формирующейся региональной идентичности ЮВА [Юго-Восточная Азия, 2017].

¹⁸ Членами СААРК являются: Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка, Мальдивы и Афганистан.

скепсис продемонстрировали Индия и Пакистан, уже получившие за короткий срок независимого существования кровавый опыт противостояния, в то время как маленькие страны – от Непала до Бутана, Шри-Ланки и Мальдив – были рады подставить друг другу плечо как раз благодаря «асимметричному» присутствию и влиянию Индии. Самая крупная в мире по численности человеческих ресурсов региональная организация, СААРК, вопреки множеству деклараций и институций с участием маркера «Южная Азия», ограничила свою деятельность преимущественно торгово-экономическими параметрами, весьма незначительно содействуя установлению политического партнерства. Очередное обострение отношений между Индией и Пакистаном разрушило хрупкий баланс взаимодоверия, и 18-й саммит Ассоциации в непальской столице Катманду в 2014 г. оказался последним, хотя формально о роспуске не объявлялось¹⁹. Еще до политически просчитанного присоединения к СААРК Афганистана (2007), Нанди заметил: «Отношения между остальными шестью членами СААРК не менее официозны и холодны, а иногда и столь же ожесточены. Это похоже на то, как если бы все субъекты региона пытались подражать гарнизонным государствам, взятым в учебнике за образцы» [Nandy, 2006, с. 543].

Без учета изначального брауновского посыла о диверсификации образования и «ареальном обучении», что привело американского санскритолога к концепту «Южная Азия» как визуализации идеи и затем ее выходу из стен университетов, умозрительное построение из разных компонентов СААРК подтвердило переход «Южной Азии» в разряд конструкторов. Именно в этом часто усматривали попытку ослабить тяжелое политическое наследие раздела в 1947 г. бывшей британской колонии на Индию и Пакистан: «Идея южноазиатского консорциума с годами пришла в упадок. Как термин “Южная Азия” сейчас в основном звучит в сводках погоды по международным каналам. Надежда на то, что региональная перспектива постепенно будет способствовать развитию регионального сознания и самобытности, исчезла» [Kumar, 2021].

Сомнения относительно пригодности «Южной Азии», в отличие от Юго-Восточной Азии не породившей регионализма на уровне макрорегиона и даже разрушившей его зачатки, начали циркулировать давно. «Южно-Азиатский междисциплинарный научный журнал», или SAMAJ (South Asia Multidisciplinary Academic Journal)²⁰ посвятил этому вопросу специальный номер – «Идеи Южной Азии. Символическая репрезентация и политическое использование» (№ 10, 2014), замысел которого возник четырьмя годами раньше при попытке переименовать французский Centre d'Études de l'Inde et de l'Asie du Sud (Центр индийских и южноазиатских исследований), основной платформы SAMAJ'a, в Centre d'Études Sud-Asiatiques (Центр Южно-Азиатских исследований). Попытка была отвергнута на том основании, что французское общество не увязывает словосочетание «Южная Азия» с конкретным референтом. Дискутируемая еще на конференции «Идея Южной Азии» в 2012 г., эта тема перекочевала в спецномер и обрела в его названии множественность – «Идеи».

В Введении «Фантазии и конструкции Южной Азии: чарующая абстракция?» французский политантрополог Амина Мохаммад-Ариф решительно называет эту «идею» апорией, т. е. «искусственной» и «пустой» категорией, не обнаруживающей этиологического, эмоционального и даже вернакулярного веса, но только политическую нейтральность, и за пределами академических кругов обладающей «низкой вразумительностью» даже в западном мире [Mohammad-Arif, 2014, р. 5–6]. В заключение она перечисляет факторы и процессы как подтверждающие, так и опровергающие «идею» и «идеи» и удостоверяет

¹⁹ См. подр.: [Глушкова, 2017]. О характере отношений между членами СААРК в настоящее время см.: [Глушкова, 2021].

²⁰ SAMAJ. <https://samaj.revues.org/>. В индоарийских языках субконтинента аббревиатура SAMAJ равна лексеме со значением «общество».

многосоставный и многоуровневый характер концепта, что неминуемо приводит к полисемии всего словосочетания. Неопределяемость и неопределенность предмета дискуссии она подкрепляет цитатой из другого спецномера – «Семинар. Наша собственная страна: симпозиум по переосмыслению Южной Азии»: «Южная Азия, как любая другая грандиозная идея (вот на выбор – “ислам”, “Америка”, “Европа”), не статична, это не предмет, который передается по наследству от родителя к ребенку, как джаданагам²¹, а нечто, что мы производим, создаем, меняем и перекраиваем сами» [Altaf, 2012].

В послесловии к «Идеям», индийско-французский историк Санджай Субрахманьям, приверженец «связанной истории» (connected history), объемлющей регионы, предметы и архивы, которые обычно рассматриваются по отдельности, погружает нынешнюю «Южную Азию» не на плохо различаемую глубину в 5 тыс. лет, что стало стартовой площадкой для Брауна, а в отстоящее на пять-шесть веков прошлое²². Этого оказывается достаточным, чтобы соположением множества позиций продемонстрировать абсолютную искусственность и случайность национальных границ, установленных в современной Южной Азии только в XX в., и серьезно пошатнуть этот концепт–конструкт. Субрахманьям, к слову, отвергает географический детерминизм и полемизирует относительно «автономной истории» с новозеландским историком Энтони Ридом, согласно которому эффектному обособлению Юго-Восточной Азии способствовала ее физическая география и отсутствие массовых вливаний из Центральной Азии (как те, что наводнили Индию и Китай), что обеспечило множество точек соприкосновения (в том числе, этнических, лингвистических и культурных) и – как следствие – надежность конструкции этого региона: «Придерживаясь гораздо более скептического утверждения, чем Рид, я бы предположил, что макрорегион никогда не является полностью готовым продуктом, но всегда находится в процессе становления... Если нации возникают как условные продукты политических и социальных переговоров, то и макрорегионы тоже» [Subrahmanyam, 2014, p. 182–183].

В давней работе, посвященной «связанности» и написанной до массированного обсуждения «идеи» и «идей», Субрахманьям в целом отвергает ареальный фокус (area studies), со временем приведший к выделению такой исследовательской единицы, как «регион» (region) и его виды: «Ареальные исследования могут очень быстро превратиться в парохильные, и мы часто видим доведенную до абсурда настойчивость в отношении единства “Юго-Восточной Азии”, “Южной Азии” или что бы там ни случилось изучать... Оказав помощь в создании этих монстров Франкенштейна, мы возлагаем на себя обязательства хвалить их за красоту, вместо того чтобы, хотя и с неохотой, признавать их ограниченную функциональную полезность» [Subrahmanyam, 1997, p. 742]²³.

Политолог Партха С. Гхош, скрупулезно исследующий функциональность концепта–конструкта с точки зрения его самого «ассиметричного» члена – «индийского бегемота» [Subrahmanyam, 2014, p. 178], сообщает об отсутствии «Южной Азии» в структуре Министерства иностранных дел Индии, хотя отдел, называемый SB & BC Division, за-

²¹ Джаданагам – ювелирное украшение («волосяной змей») для косы невесты из уменьшающихся в размере инкрустированных драгоценными камнями золотых дисков.

²² В первом же докладе о принципах «связанной истории» в 1995 г., к слову, прозвучавшем на семинаре по Юго-Восточной Азии, Субрахманьям определил выделенный им период как «раннесовременный» (early modern) и очертил его примерный диапазон – с середины XIV в. до середины XVIII в. [Subrahmanyam, 1997]. См. изложение его варианта истории в *Connected History: Essays and Arguments* [Subrahmanyam, 2022]).

²³ Далее Субрахманьям выделяет парадигмы, существенные для развития его «истории»: «В противоположность тому, что подспудно предполагают „ареальные исследования“, составляющая динамики в раннесовременный период в значительной степени определялась взаимодействием между локальным и региональным (что можно назвать “микроуровнем”) и супрарегиональным, иногда даже глобальным (что можно назвать “макроуровнем”))» [Subrahmanyam, 1997, p. 745].

нимается вопросами, имеющими отношение к СААРК, Инициативе стран Бенгальского залива по многоотраслевой технической и экономической кооперации (The Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation, BIMSTЕК/БИМСТЕК) и приграничной проблематике (Border Connectivity). Традиционно объединяемые внутри «Южной Азии» страны (включая в некоторых случаях и Мьянму), распределяются исключительно по территориальной смежности: Афганистан и Пакистан входят в PAI Division (вместе с Ираном)²⁴, Бангладеш вместе с Мьянмой – в BM Division, Бутан и Непал – в Northern Division, Мальдивы и Шри-Ланка в Indian Ocean Region [Ghosh, 2016, p. 117]. Напоминая о пяти элементах, конституирующих региональную целостность – общую историю и культуру, политическое сходство, взаимовыгодное экономическое сотрудничество, силовой баланс между государствами-членами и неконфликтующие стратегические позиции, Гхош не обнаруживает ни одного и заключает, что Индия, хотя и приютившая в своей столице Южно-Азиатский университет, учрежденный СААРК, «почти ничего не сделала для формирования регионального самосознания в Южной Азии» [Ghosh, 2016, p. 120]. СААРК же он видит исключительно как квалифицирующую организацию: «До 2007 г., пока Афганистан не вошел в СААРК, он не считался Южной Азией. Если следовать логике, то, как только страна покидает СААРК, она перестает быть Южной Азией» [Ghosh, 2021, p. 13].

Однако, будучи «неискоренимым южноазиатом» (confirmed South Asianist), т. е. испытывая нужду в этом квази-топониме для окантовки своего профессионального поля, в новом – обобщающем несколько лет поисков – труде Гхош предлагает отойти от геополитического нажима и искать «Южную Азию» в общественном и общем сознании (shared consciousness), обнаруживаемом им в виде «подводного течения». Автор посвящает новую книгу «Всем простым (common) людям Южной Азии», т. е. географического юга Азии, и побуждает их самостийно формировать региональное единение, при этом аннотация на обложке утверждает: «Только так Южная Азия сможет вернуть себе душу и заменить свой цинизм и отчаяние ожиданием и надеждой», что приведет к наполнению СААРК реальным содержанием [Ghosh, 2021].

Гхош далеко не единственный, кто на фоне неоспоримых фактов прибегает к обтекаемым понятиям, оказывая гуманитарную помощь пространству в «параличе сострадания», т. е. слепоглухонемому в отношении происходящих вокруг трагедий [Kumar, 2021]²⁵. Попытки «производить, создавать, менять и перекраивать» часто предпринимают те, кто профессионально заинтересован в существовании «Южной Азии» хотя бы в качестве объекта академического анализа, как, например, индеец Дев Натх Патхак и ланкиец Сасанка Перера, профессура из Южно-Азиатского университета. Вместе с коллегами они прошли путь от семинара «“Южная Азия”? Исследования изнутри и извне региона» до коллективной монографии «Другая Южная Азия!», призывая к «романтическому» и «утопическому» выходу за пределы «геополитического и картографического измерений» [Pathak, Perera, 2015, p. 220–222; Pathak, 2017]. Однако восклицательный знак в названии книги не знаменует обнаружения то ли потерянного концепта, то ли ломающегося конструкта, но лишь указывает «другие», своего рода периферийные, области поиска смыслов: массовую культуру, кинематограф, гастрономические предпочтения, моду, устные традиции и т. д.

²⁴ О «геополитическом развороте» Пакистана и его нынешней принадлежности к Среднему Востоку см. [Белокреницкий, 2021].

²⁵ Кумар, ранее глава Национального совета по исследованиям и подготовке в образовательной сфере, в частности, сетует на полностью провалившийся проект СААРК по совместному созданию «миролюбивых» школьных учебников: «Если бы это упражнение было выполнено, могла бы прорасти надежда, что у детей не сложится предвзятого мнения о других... Социализация в предвзятых взглядах поддерживает непрерывность ненависти, вражды и войн» [Kumar, 2021].

Патхак, в частности, упоминает читаемый им курс *Sound and Sight in South Asia*, фиксируя внимание на общих для макрорегиона акустических и визуальных маркерах, приглашая этим примером экспериментировать с разными методологическими «поворотами» (turns) современной гуманитаристики, использование которых привело бы к срыву националистического тормоза и выявило бы приметы общерегионального сознания²⁶.

В оформлении книги «Другая Южная Азия!» использованы геокартины ланкийца Пала Потхупитье, в действительности представляющие «другие» визуальные образы региона. Художник эстетически, с упором на конкретные локации, переработал «Правосторонне-перевернутую карту Югоазии»²⁷ для поиска идентичностей за пределами национальных государств» (*The Right-Side-Up Map of Southasia [sic!]*) картографа Субхаса Раи. Эта карта как протест против сфокусированного на национальных государствах дискурса впервые была опубликована в 2005 г. (т. 18, № 3) в журнале *Himāl Southasian*, позиционирующем себя как общий – «югоазиатский» – журнал: «Как можно, воспользовавшись картой, выразить то, что мы хотим? Карта Югоазии покажется кому-то перевернутой, но только потому, что мы запрограммированы на представление о севере в верхней части страницы. Вращение, предпринятое журналом, представляет собой попытку переосмысления регионализма таким образом, чтобы сосредоточиться в большей степени на людях, чем на национальных государствах. Для этого нужно ни много ни мало как перевернуть наш ум “вверх ногами”» [*The Right-Side-Up Map*, 2016]. Трансрегиональный журнал, чья редакция длительное время находилась в Непале, а в 2018 г. переехала в Шри-Ланку, не только «перевернул» карту, но путем слитного написания компонентов бездушной «Южной Азии» превратил ее в «Югоазию», до краев наполненную «югоазиатской эмпатией» [*The Southasian Sensibility*, 2012]. Редколлегия призывает оформить подписку на журнал размещенным на веб-странице мемом – «Думай по-региональному (Think regionally), оформи членство в “Югоазии”» [*The Right-Side-Up Map*, 2016]. Тем не менее большинство номеров дробит регион на все те же входящие в СААРК страны, откликаясь на трепещущие темы, и только изредка пытаясь найти связующие эти сегменты сюжеты (например, проблемы обучения детей афганских беженцев в Индии или выражение рода в «югоазиатских» языках и пр.).

Созданная в лабораторных условиях за пределами самой себя «Южная Азия» совершенно очевидно находится на нынешнем этапе в остром кризисе самоидентификации и самоочищения, доходящих до разрушения. Однако в силу «функциональной полезности» для геополитиков и метафизических усилий внутренних симпатизантов, все еще нацеленных на обнаружение потенциала этой идеи-суп-концепта-суп-конструкта и/или его искусственного стимулирования, «путь к заключению» еще не пройден до конца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белокреницкий В.Я. Современный Средний Восток – геополитическая динамика, специфика общества и дивергенция государств. *Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография*. Под ред. В.Я. Белокреницкого, Н.М. Мамедовой, Н.Ю. Ульянов. М.: ИВ РАН, 2021. С. 13–27 [Belokrenitsky V.Y. Contemporary Middle East – Geopolitical Dynamics, Social Peculiarities and State Divergency. *Muslim Near and Middle East: Current Processes, History and Historiography*. Ed. by V.Y. Belokrenitsky, N.M. Mamedova, N.Y. Ulchenko. Moscow: IOS RAS, 2021. Pp. 13–27 (in Russian)].

²⁶ Это путь, по которому шел руководимый мною междисциплинарный проект «Под небом Южной Азии». См. www.ivran.ru/pnuu.

²⁷ Я предложила сложное слово «Югоазия», «югоазиатский» и «югоазиат» для разведения неологизма, изобретенного журналом (см. далее), и общепотребительного словосочетания «Южная Азия».

Глушкова И. Концептуализация пространственных сегментов в контексте политической и культурной территориальности. Прошлое, настоящее и будущее. *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. Под рук. И.П. Глушковой, под ред. А.В. Бочковской. М.: Наука–Восточная литература, 2016. С. 8–31 [Glushkova I. Conceptualization of Spatial Segments in the Context of Political and Cultural Territoriality. *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places*. Ed. by I.P. Glushkova, A.V. Bochkovskaya. Moscow: Nauka–Vostochnaya Literatura, 2016. Pp. 8–31 (in Russian)].

Глушкова И. О проекте «Под небом Южной Азии». Полярные категории межличностных, межрегиональных и межгосударственных модальностей взаимодействия. Прошлое, настоящее и будущее. *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: Коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия*. Под рук. И.П. Глушковой, под ред. Е.Ю. Ваниной. М.: Наука–Восточная литература, 2017. С. 8–39 [Glushkova I. About the ‘Under the Skies of South Asia’ Project. Opposing Categories of Interpersonal, Interregional and Interstate Modes of Interaction. Past, Present and Future. *Under the Skies of South Asia. Censure and Praise: Communicative Modalities of Historical and Cultural Specificity*. Ed. by I.P. Glushkova, E.Y. Vanina. Moscow: Nauka–Vostochnaya Literatura, 2017. Pp. 8–39 (in Russian)].

Глушкова И. Политика чувств в интерпретации общего пространства. Прошлое, настоящее, будущее. *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций*. Под рук. и ред. И.П. Глушковой. М.: ИДВ РАН–Восточная литература, 2021. С. 8–45 [Glushkova I. The Politics of Feelings in the Interpretation of the Shared Space. Past, Present, Future. *Under the Skies of South Asia. Shame and Pride: The Preliminaries of Emotional Standards and Practices*. Ed. by I.P. Glushkova. Moscow: IFES RAS–Vostochnaya Literatura, 2021. Pp. 8–45 (in Russian)].

Куприянов А.В. Морской регионализм как ответ на стратегический вызов: теоретическое наследие К.М. Паниккара. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 95–107 [Kupriyanov A.V. Maritime Regionalism as a Response to a Strategic Challenge: the Legacy of K.M. Panikkar’s Theory. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 95–107 (in Russian)].

Шаститко П.М. Период Ренессанса советской ориенталистики (вторая половина 50-х–первая половина 70-х годов XX в.). Шаститко П.М. *Век ушел. Сцены из истории отечественного востоковедения*. М.: Восточная литература РАН, 2009. С. 58–77 [Shastitko P.M. The Renaissance of the Soviet Orientalistics (2nd half of the 1950s – 1st half of the 1970s). Shastitko P.M. *The Century is Gone. Scenes from the History of Russian Oriental Studies*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. Pp. 58–77 (in Russian)].

Юго-Восточная Азия: формирующаяся региональная идентичность. Интервью с проф. Д.В. Мосяковым (Институт востоковедения РАН). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. № 3. С. 575–587 [South-East Asia: Emerging Regional Identity. Interview with prof. Dmitry Mosyakov (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences). *Vestnik RUDN. International Relations*. 2017. No 3. Pp. 575–578 (in Russian)].

Altaf H. Brown as the Mouths of River. *Seminar: A Country of Our Own: A Symposium on Re-Imagining South Asia*. Seminar. (April) 2012. No. 632. http://india-seminar.com/2012/632/632_hasan_altaf.htm (accessed: 19.11.2022).

Brown W.N. Report of the Conference. *Resources for South Asian Language Studies in the United States*. Ed. by W. Norman Brown. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1960.

Brown W.N. The Content of Cultural Continuity in India. *Journal of Asian Studies*. 1961. Vol. 20. Iss. 4. Pp. 427–434.

Brown W.N. South Asia Studies: A History. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 1964. Vol. 356. Iss. 1. Pp. 54–62.

Dirks N.B. Chapter 12. South Asian Studies: Futures Past. The Paper written for a conference on “Rethinking Area Studies,” organized by David Szanton and funded by the Ford Foundation, held at New

York University on April 24–26, 1998. *Dirks, Nicholas B. Autobiography of an Archive: A Scholar's Passage to India*. New York: Columbia University Press, 2015. Pp. 265–290.

Fiefield R.H. Southeast Asian Studies: Origins, Development, Future. *Journal of Southeast Asian Studies*. 1976. Vol. 7. No. 2. Pp. 151–161.

Fiefield R.H. Southeast Asia as a Regional Concept. *Southeast Journal of Social Science. Ideology in Southeast Asia*. 1983. Vol. 11. No. 2. Pp. 1–14.

Ghosh P.S. Region without Regionalism. Cooperation in South Asia. *Economic & Political Weekly*. 2016. Vol. LI, no. 32. Pp. 114–121.

Ghosh P.S. *India-South Asia Interface. Religion, Politics and the Wider World*. Oxon–N.Y.: Routledge, 2021.

India, Pakistan, Ceylon. Ed. by W. Norman Brown. Ithaka: Cornell University Press, 1951 (и послед. изд. вплоть до 2016).

Introduction. *Region and Regionalism in South Asian Studies: An Exploratory Study*. Papers Presented at a Symposium held at Duke University, April 7–9, 1966. Ed. by R. I. Crane. Durham, NC: Duke University Press, 1967.

Kumar K. The idea of a South Asian solidarity still has the potential to detoxify the legacies of 1947. *The Indian Express*. 09.09.2021. <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/saarc-india-legacy-history-partition-7495284> (accessed: 20.11.2022).

Mohammad-Arif A. Introduction. Imaginations and Constructions of South Asia: An Enchanting Abstraction? *Ideas of South Asia. Symbolic Representations and Political Uses. South Asia Multidisciplinary Journal [Online]*. No. 10. 2914. <http://samaj.revues.org/3800> (accessed: 18.11.2022).

Nandy A. The idea of South Asia: a personal note on post-Bandung blues. *Inter-Asia Cultural Studies*. 2005. Vol. 6, Iss. 4. Pp. 541–545.

Pathak D., Perera S. The Poser. Mooting South Asia: Utopias and possibilities beyond Geo-political Calculus. *Sociological Bulletin*. 2015. Vol. 64. No. 2 May–August. Pp. 219–222.

Pathak D.N. Introduction. On ‘Another’ of ‘South Asia’. *Another South Asia!* Ed. by Pathak Dev Nath. Delhi: Primus Books, 2017. Pp. 1–25.

Region, Culture and Politics in India. Ed. by V. Rajendra, A. Felhaus. Delhi: Manohar, 2006.

The Right-Side-Up Map of Southasia. *Himal Southasian*. 14.03.2016. <https://himalmag.com/the-right-side-up-map-of-southasia> (accessed: 22.11.2022).

Rocher R. W. Norman Brown, 1892–1975. *Journal of the American Oriental Society*. 1976. Vol. 96. No. 1. Pp. 3–6.

Subrahmanyam S. Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early Modern Euroasia. *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. Iss. 03. Pp. 735–762.

Subrahmanyam S. Afterword. On Region and Nation. *Ideas of South Asia. Symbolic Representations and Political Uses. South Asia Multidisciplinary Journal [Online]*. 2014. No. 10. <http://samaj.revues.org/3800> (accessed: 18.11.2022). Pp. 176–184.

Subrahmanyam S. *Connected History. Essays and Arguments*. Verso: London–Brooklyn, 2022.

The Southasian Sensibility. A HIMĀL Reader. Ed. by Dixit Kanak Mani. New Delhi: SAGE Publications, 2012.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГЛУШКОВА Ирина Петровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Irina GLUSHKOVA, DSc (History), Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.